

ЦАРСКИЙ ЗОЛОТОЙ

Петровки, самый разгаръ работъ, — и отецъ цѣлый день на стройкахъ. Прикащикъ Василь-Василичъ и не ночуетъ дома, а все въ артеляхъ. Горкинъ свое уже отслужилъ, — «на покой», — и его тревожатъ только въ особыхъ случаяхъ, когда требуется свой глазъ. Работы у насъ большія, съ какой-то «неустойкой»: не кончишь къ сроку — можно и прогорѣть. Спрашиваю у Горкина — «это что же такое — прогорѣть?»

— А вотъ, скинуть послѣднюю рубаху, — вотъ те и прогорѣлъ! Какъ прогараютъ-то... очень просто.

А съ народомъ совсѣмъ бѣда: къ покосу бѣгутъ домой, въ деревню, и самыя-то золотыя руки. Отецъ страшно озабоченъ, спѣшить-спѣшить, лѣтній его пиджакъ весь мокрый, пошли жары, «Кавказка» всѣ ноги отмотала по постройкамъ, съ утра до вечера не разсѣдлана. Слышишь — отецъ кричить:

— Полуторное плати, только попридержи народъ! Вотъ бѣдовый народишка... рядились, черти, — общались не уходить къ покосу, а у насъ неустойки тысячныя... Да не въ деньгахъ дѣло, а себя уронимъ. Вбей ты имъ, дуракамъ, въ башку... втрое, вѣдь, у меня получать, чѣмъ со своихъ покосовъ!..

— Вбиваль-съ, всю глотку оборвалъ съ ними... — разводитъ беспомощно руками Василь-Василичъ, замѣтно похудѣвшій, — ничего съ ими не подѣлаешь, со спокон-вѣку такъ. И сами понимаютъ, а... гулянки имъ будто, травкой побаловаться. Какъ къ покосу — ужъ тутъ никакими калачами не удержать, бѣгутъ. Воротятся — приналягутъ, а покуда сбродныхъ по-

принял. Какъ можно-съ, къ сроку должны поспѣть, будь-покойны-съ, ужъ догляжу.

То же говоритъ и Горкинъ, — а онъ все знаетъ: покосъ — дѣло душевное, нельзя иначе, со спокойнѣйшею такъ; на травкѣ поотдохнуть — нагонять.

Раннимъ утромъ, солнце чуть надъ сараями, а у крыльца уже шарабанъ. Отецъ сбѣгаетъ по лѣстницѣ, жуя на ходу калачикъ, прыгаетъ на подножку, а тутъ и Горкинъ, чего-то ему надо.

— Что тебѣ еще?.. — спрашиваетъ отецъ тревожно, раздраженно, — какой еще незаладь?

— Да все, слава Богу, ничего. А вотъ, хочу вотъ къ Сергію Преподобному сходить-помолиться, по общанію... взадъ-назадъ.

Отецъ бьетъ вожжей «Чалаго» и дергаетъ на себя. «Чалый» взбрыкиваетъ и крѣпко съчетъ по камню.

— Ты еще... съ пустяками! Такъ-вотъ тебѣ въ самую горячку и приспичило? помрешь — до Успенья погодишь?..

Отецъ замахивается вожжей — вотъ-вотъ укатить.

— Это не пустяки, къ Преподобному сходить-помолиться... — говоритъ Горкинъ съ укоризной, выпрастывая запутавшійся въ вожжѣ хвостъ «Чалому». — Теплую бы пору захватить. А съ Успенья ночи холодныя пойдутъ, дожжи... ужъ нескладно итить-то будетъ. Сколько вотъ годовъ все собираюсь...

— А я тебя держу? Поѣзжай по машинѣ, въ два дня управишься. Самъ понимаешь, время горячее, самыя дѣла, а... какъ я тутъ безъ тебя? Да еще, не дай Богъ, Косой запьянствуетъ?..

— Господь милостивъ, не запьянствуетъ... онъ къ зимѣ больше прошибается. А всѣхъ дѣловъ, Сергій Ивановичъ, не передѣлаешь. И годы мои такіе, и...

— А, помирать собрался?

— Помирать не помирать, это ужъ Божья воля, а... какъ говорится, — дѣловъ-то пуды, а о н а — туды!

— Какъ? кто?... куды — туды?... — спрашиваетъ съ раздраженіемъ отецъ, замахиваясь вожжей.

— Извѣстно — кто. О н а ждать не станетъ, — дѣла ли, не дѣла ли, — а все покончить.

Отецъ смотритъ на Горкина, на распахнутыя ворота, которыя придерживаетъ дворникъ, прикусываетъ усы.

— Чу-дакъ... — говорить онъ негромко, будто на «Чалаго», машетъ рукой чему-то и выѣзжаетъ шагомъ на улицу.

Горкинъ идетъ разстроенный, кричитъ на меня всердцахъ — «тебѣ говорю, отстань ты отъ меня, ради Христа!» Но я не могу отстать. Онъ идетъ подъ навѣсъ, гдѣ работаютъ столяры, отшвыриваетъ ногой стружки и чурбачки и опять кричитъ на меня — «ну, чего ты присталь?..» Кричитъ и на столяровъ чего-то, и уходитъ къ себѣ въ каморку. Я бѣгу въ тупичокъ къ забору, гдѣ у него окошко, сажусь снаружи на облицовку и спрашиваю все то же: возьметъ ли меня съ собой. Онъ разбирается въ сундучкѣ, подъ крышкой котораго наклеена картинка — «Троице-Сергіева Лавра», лопнувшая по щелкамъ и полинявшая. Разбирается и ворчитъ:

— Нѣ-этъ, меня не удержите... къ Серги-Троицѣ я уйду, къ Преподобному... уйду. Все я да я... и безъ меня управитесь. И Ондрюшка меня заступитъ, и Степанъ справится... по филѣнкамъ-то приглядѣть, велико дѣло! А по подрядамъ снова — прошла моя пора. Косой не запьянствуетъ, нечего бояться... коли даль мнѣ слово-зарокъ — изъ уваженія соблюдать. Какъ разъ самая пора, теплынь, народу теперь по всѣмъ дорогамъ... Нѣ-этъ, меня не удержите.

— А меня-то... обѣщался ты, а?... — спрашиваю я его, и чувствую горько-горько, что меня-то ужъ ни за что не пустятъ. — А меня-то, пустятъ меня съ тобой, а?..

Онъ даже и не глядитъ на меня, все разбирается.

— Пу-стятъ тебя, не пустятъ... — это не мое дѣло, а я все равно уйду. Нѣ-этъ, не удержите... всѣхъ, братъ, дѣловъ не передѣлаешь, нѣ-этъ... имъ и конца не будетъ. Пять годовъ, какъ Мартына схоронили, все собираюсь, собираюсь... Царица Небесная какъ меня сохранила, — показываетъ Горкинъ на темную иконку, которую я знаю, — я къ Иверской сорокъ разъ сходить пообѣщался, и то не доходилъ, осьмнадцать ходовъ за мной. И Преподобному тогда пообѣщался. Меня тогда и Мартынъ просиль-помиралъ, на Пасхѣ какъ разъ пять годовъ вышло вотъ: «помолись за меня, Миша... сходи къ Преподобному». Самъ такъ и не собрался, шомерь. А тоже обѣщался, за грѣхъ...

— А за какой грѣхъ, скажи... — упрашиваю я Горкина, но онъ не слушаетъ.

Онъ вынимаетъ изъ сундучка рубаху, полотенце, холщевыя портянки, большой привязной мѣшокъ, заплечный.

— Это вотъ возьму, и это возьму... двѣ смѣнки, да... И еще рубаху, расхожую, и причащальную возьму, а ту на дорогу, про запасъ. А тутъ, значить, у меня сухарики... — пошумливаетъ онъ мѣшочкомъ, какъ сахаркомъ, — съ чайкомъ попить-пососать, дорога-то дальная. Тутъ, стало быть, у меня чай-сахаръ.. — суетъ онъ въ мѣшокъ коробку изъ-подъ икры, съ выдавленной на крышкѣ рыбкой, — а лимончикъ ужъ на ходу прихвачу, да... но-жичекъ, поминанье... — суетъ онъ книжечку съ вытѣсеннымъ на ней золотымъ крестикомъ, которую я тоже знаю, съ раскрашенными картинками, какъ исходитъ душа изъ тѣла, и какъ она ходитъ по мытарствамъ, а за ней свѣтлый ангелъ, а внизу, въ красныхъ языкахъ пламени, зеленые нечистые духи съ вилами, — а это вотъ, за кого просvirки вынуть, леестрикъ... все по череду надо. А это Санъ Юрцову вареньица баночку снесу, въ квасной послушаніе теперь несетъ, у Пре-

подобнаго, въ монахи готовится... отъ Москвы, скажу, поклончикъ-гостинчикъ. Бараночекъ возьму на дорожку...

У меня душа разрывается, а онъ говорить и говорить, и все укладываетъ въ мѣшокъ. Что бы ему сказать такое..?

— Горкинъ... а какъ тебя Царица Небесная сохранила, скажи?.. — спрашиваю я сквозь слезы, хотя все знаю.

Онъ поднимаетъ голову и говорить нестрого:

— Хлюпаешь-то чего? Ну, сохранила... я тебѣ не разъ сказывалъ. На вотъ, утрись полотенчикомъ... дешевыя у тебя слезы. Ну, ломали мы домъ на Прѣснѣ... ну, нашелъ я на чердакѣ старую иконку, ту вонъ... Ну, сошелъ я съ чердака, стою на второмъ ярусу... — дай, думаю, пооботру-погляжу, какая Царица Небесная, лика то не видать. Только покрестился, локоткомъ потереть хотѣлъ... — ка-акъ загремитъ все... ни-чего ужъ не шомню, взвило меня въ пыль!.. Очнулся въ самомъ низу, въ бревнахъ, въ доскахъ, все покорежено... а надъ самой надъ головой у меня — здоровенная балка застряла! Въ плюшку бы меня, прямо..! — вотъ какая. А ребята наши, значить, кличутъ меня, слышу: «Панкратычъ, живъ ли?» А на рукъ у меня — Царица Небесная! Какъ держалъ, такъ и... чисто на крылахъ опустило. И не одарापало нигдѣ. ни царапинки, ни синячка... вотъ ты чего подумай! А это стѣну неладно покачнули, — балки изъ гнѣздъ-то и выпили, концы-то у нихъ сгнили... какъ ухнуть, такъ все и проломили, накаты всѣ. Два яруса летѣлъ, съ хламомъ... вотъ ты чего подумай!

Эту иконку — я знаю — Горкинъ хочетъ положить съ собой въ гробъ, — душѣ чтобы во спасеніе. И все я знаю въ его каморкѣ: и картинку «Страшнаго Суда» на стѣнкѣ, съ геенной огненной, и «Хожденія по мытарствамъ преподобной Θεодоры», и найденный гдѣ-то на работахъ, на сгнившемъ гробѣ, мѣд-

ный, литой, очень старинный крестъ съ Адамовой Главой, страшной... и пасочницу Мартына-плотника, вырѣзанную однимъ топорикомъ. Надъ деревянной кроватью, съ подпалинами отъ свѣчки, какъ жгли клоповъ, стоятъ на полочкѣ, къ образамъ, совсѣмъ уже сѣрыя отъ пыли, просвирки изъ Іерусалима-Града и съ Аѳона, принесенныя ему добрыми людьми, и пузырьчики съ напѣтымъ маслицемъ, съ вылитыми на нихъ угодничками. Недавно Горкинъ мнѣ мазалъ зубъ, и стало тораздо легче.

— А ты мнѣ про Мартына все общался... топорикъто у тебя виситъ вонъ! Съ нимъ какое чудо было, а? скажи-и, Горкинъ..!

Горкинъ уже не строгій. Онъ откладываетъ мѣшокъ, садится ко мнѣ на подоконникъ и жесткимъ пальцемъ смазываетъ мои слезинки.

— Ну, чего ты разстроился, а? что ухожу-то... На доброе дѣло ухожу, никакъ нельзя. Выростешь — поймешь. Самое душевное это дѣло, на богомолье сходить. И за Мартына помолюсь, и за тебя, милокъ, просвирку выну, на свѣчку подамъ, хорошій бы ты былъ, здоровье бы те Господь далъ. Ну, куда тебѣ со мной тягаться, дорога дальняя, тебѣ не дойти... по машинѣ вотъ можно, съ папашенькой соберешься. Какъ-такъ, я тебѣ общался... я тебѣ не общался. Ну, пошутить, можетъ...

— Общался ты, общался... тебя Богъ накажетъ! вотъ посмотри, тебя Богъ накажетъ!.. — кричу я ему и плачу, и даже грожу пальцемъ.

Онъ смѣется, прихватываетъ меня за плечи, хочетъ защекотать.

— Ну, что ты какой настойный, самондравный! Ну, ладно, шумѣть-то рано. Можетъ, такъ Господь повернетъ, что и покатымъ съ тобой по дорожкѣ по столбовой... а что ты думаешь! Папашенька добрый, я его вотъ какъ знаю. Да ты погоди, послушай: расскажу тебѣ про нашего Мартына. Всего не расска-

жешь... а вотъ слушай. Чего самъ онъ мнѣ сказывалъ, а потомъ на моихъ глазахъ все было. И все сущая правда.

— Повель его отецъ въ Москву на работу... — покиваетъ Горкинъ мягко, какъ всѣ наши плотники, володимерцы и костромичи, и это мнѣ очень нравится, ласково такъ выходить, — плотники они были, какъ и я вотъ, съ нашей стороны. Всѣмъ намъ одна дорожка, на Сергіевъ Посадъ. Къ Преподобному зашли... чугулки тогда и помину не было. Ну, зашли, все честь-честью... помолились-приложились, недѣльку Преподобному пороботали топорикомъ, на монастырь, да... пошли къ Черниговской, неподалечку, старецъ тамъ проживалъ—спасался. Нонче отецъ Варнава тамъ народъ утѣшаетъ—басловляетъ, а то до него былъ, тоже хорошій такой, прозорливецъ. Вотъ тотъ старецъ благословилъ ихъ на хорошую работку, и говорить пареньку, Мартыну-то:

— «Будетъ тебѣ таланъ отъ Бога, только не прѣступишь!»

Значить — правильно живи, смотри. И еще ему такъ сказалъ:

— «Ко мнѣ-то побывай когда».

Роботали они хорошо, удачливо, таланъ у Мартына великой сталъ, такой глазъ вѣрный, рука надежная... лучшаго плотника и не видалъ я. И по столярному хорошо умѣлъ. Ну, понятно, и по филѣнкамъ чистяга былъ, лучше меня, пожалуй. Да ужъ я те говорю — лучше меня, значить — лучше, ты не перебивай. Ну, отецъ у него померъ давно, онъ одинъ и сталъ въ людяхъ, сирота. Къ намъ-то, къ дѣдушкѣ твоему покойному, Ивану Иванычу, царство небесное, онъ много послѣ присталъ—порядился, а все по разнымъ ходилъ — не уживался. Ну, вотъ

слушай. Таланъ ему былъ отъ Бога... а онъ, темный-то... понимаешь, кто? — свое ему, значить, приложилъ: выучился Мартынъ пьянствовать. Ну, его со всѣхъ мѣстовъ и гоняли. Ну, пришелъ къ намъ работать, я его маленько поудержалъ, поразговорилъ душевно, — ровесники мы съ нимъ были. Разговорились мы съ нимъ, про старца онъ мнѣ и помянулъ. Велѣлъ я ему къ старцу тому побывать. А онъ и думать забылъ, сколько годовъ прошло. Ну, побывалъ онъ, анъ — старецъ-то тотъ и померъ ужъ, годовъ десять ужъ. Онъ и разстроился, Мартынъ-то, что не побывалъ-то, наказу его-то не послушалъ... совѣстью и разстроился. И съ того дѣла, къ другому старцу и не пошелъ, а, прямо тебѣ сказать, въ ка-бакъ пошелъ! И пришелъ онъ къ намъ назадъ въ одной равной рубашкѣ, стыдъ глядѣть... босой, топорикъ только при немъ. Онъ безъ того топорика не могъ быть. Топорикъ тотъ отъ старца благословѣнъ... вонъ онъ, самый, виситъ-то у меня, память это отъ него мнѣ, отказанъ. Ужъ какъ онъ его не пропилъ, какъ его не отняли у него, — не скажу. При дѣдушкѣ моемъ было. Хотѣлъ Иванъ Ивановичъ его не принимать, а прабабушка твоя Устинья вышла съ лѣстовкой... молилась она все, правильная была по вѣрѣ... и говорить:

— «Возьми, Ваня, грѣшника, приюти... его Господь къ намъ послалъ».

Ну, взялъ. А она Мартына лѣстовкой поучила для виду, будто за наказаніе. Онъ три года и въ ротъ не бралъ. Что получить — къ ней принесетъ, за образа клала. Много накопилъ. Подошло ему опять пить, она ему денегъ не даетъ. Какъ разживется — все и пропьетъ. Стало его бѣсовать, мы его запирали. А то убить могъ. Топоръ держитъ, не подступись. Боялся, — топоръ у него покрадутъ, таланъ его пропадетъ. Разъ въ три года у него болѣзнь такая нападала. Запремъ его — онъ зубами скрипитъ, будто

щепу дереть, страшно глядѣть. Силищи былъ невиданной... балки одинъ носилъ, росту — саженный былъ. Боимся — ну, съ топоромъ убѣгетъ! А бабушка Устинья войдетъ къ нему, погрозится лѣстовкой, скажетъ — «Мартынушка, отдай топорикъ, я его схороню!» — онъ ей покорно въ руки, вотъ какъ.

Накопилъ денегъ, домъ хорошій въ деревнѣ себѣ построилъ, сестра у него жила съ племянниками. А самъ вдовый былъ, бездѣтный. Ну, жилъ и жилъ, съ перемогами. Тройное получалъ! А теперь слушай, про его, будто, грѣхъ...

Годовъ шесть тому было. Роботали мы по Храму Христа Спасителя, отъ большихъ подрядчиковъ. Каменный онъ весь, а и нашей работы тамъ много было... помосты тамъ, лѣса ставили, переводы-подводы, то-се... обшивочки, и подъ кумоломъ много было, всякого подмостья. Приѣхалъ государь потягдѣть, спорныя были передѣлки. Въ семьдесятъ въ третьемъ, что ли, годѣ, въ августъ-мѣсяцѣ, тѣпло еще было. Ну, всѣ подрядчики, по такому случаю, артели выставили, показаться государю, Царю Освободителю, Александрѣ Николаичу нашему. Приудѣли робять въ чистое во все. И мы съ другими, большая наша была артель, видный такой народъ... худого не скажу, всегда хорошіе у насъ харчи были, каши не поѣдали — отваливались. Вотъ государь посмотрѣлъ всю отдѣлку, доволенъ остался. Выходить съ провожатыми, со всѣми генералами и князьями. И нашъ, стало быть, Владиміръ Ондрейчъ, князь Доглоруковъ, съ ними, генераль-губернаторъ. Очень его государь жаловалъ. И нашъ еще Александра Александрычъ Козловъ, самый оберъ-польцмейстеръ, бравый такой, длинныя усы, хвостами, хорошій человекъ, зря никого не обижалъ. Ну, которые начальство при постройкѣ, показываютъ робять, рабочій народъ. Государь поздоровался, покивалъ, да... сіяніе отъ него такое, всякія медали...

— «Спасибо, — говорить, — молодцы».

Ну, ура покричали, хорошо. Къ намъ подходитъ. А Мартынъ первый съ краю стоялъ, высокой, въ розовой рубахѣ новой, борода сѣдая, по сѣхъ поръ, хорошій такой ликомъ, благочестивый. Государь и пріостановился, пондравился ему, стало быть, нашъ Мартынъ. Хорошъ, говорить, старикъ... самый русской! А Козловъ-то князю Долгорукову и доложи:

— «Можетъ государю его величеству глазъ свой доказать, чего ни у кого нѣтъ».

А онъ, стало быть, про Мартына зналъ. Роботали мы въ домѣ генерала-губернатора, на Тверской, противъ каланчи, и Мартынъ князю-то секретъ свой и доказалъ. А по тому секрету звали Мартына такъ: «Мартынъ, покажи аршинъ!» А вотъ, слушай. Вотъ князь и скажи государю, что такъ, молъ, и такъ, можетъ удивить. Папашенька перепугался за Мартына, и всѣ-то мы забоялись — а ну, проштрафится! А ужъ слухъ про него государю донесенъ, не шутки шутить. Вызываютъ, стало быть, Мартына. Государь ему и говорить, ничего, ласково:

— «Покажи намъ свой секретъ».

— «Могу, — говорить, — ваше царское величество...» — Мартынъ-то, — «дозвольте мнѣ речку».

И не боится. Ну, дали ему речку.

— «Извольте провѣрить, — говорить, — никакихъ помѣтъ нѣту».

Генералы провѣрили — нѣтъ помѣтъ. Ну, положилъ онъ речку ту, гладенькую, въ шолвершочка шириной, на доски, топорикъ свой взялъ... Всѣ его обступили, и Государь надъ нимъ всталъ... Мартынъ и говорить:

— «Только бы мнѣ никто не помѣшалъ, подьруку не смотрѣлъ... рука бы не заробѣла».

Велѣлъ государь маленько пораздаться, не насѣдать. Перекрестился Мартынъ, на руки поплевалъ, на речку приглядѣлся, не дотротнулъ, ни-ни... а